

Лион Фейхтвангер

ЕВРЕЙ ЗЮСС
♦
СИМОНА

Санкт-Петербург

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44
Ф 36

Lion Feuchtwanger
JUD SÜSS

Copyright © Aufbau Verlage GmbH & Co. KG, Berlin 1959 and 2009
SIMONE

Copyright © Aufbau Verlage GmbH & Co. KG, Berlin 1957 and 2009
All rights reserved

Перевод с немецкого Натальи Касаткиной, Иры Горкиной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-25554-8

© Н. Г. Касаткина (наследники), перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

КНИГА ПЕРВАЯ

ГОСУДАРИ

Сетью жил вились по стране дороги, пересекались, разветвлялись, глохли, порастая травой. Они были запущены, zagrożены камнями, все в рытвинах и расщелинах, в дождь становились вязкой топью и вдобавок на каждом шагу были перегорожены шлагбаумами. На юге они превращались в узкие горные тропы, пропадали совсем. Вся кровь страны текла по этим жилам. Ухабистые, потрескавшиеся, окутанные клубами пыли в солнечную погоду и непроходимо грязные в дождливую, дороги были движением, жизнью, дыханием и пульсом страны.

По ним двигалась обыкновенная почта, повозки без верха, без мягкого сиденья, без спинки, дребезжащие, зачастую подлатанные, и более скорая экстра-почта — четырехместные коляски, запряженные пятеркой лошадей, способные делать по двадцати миль в день. Проезжали по ним придворные и посольские курьеры с запечатанными сумками, часто менявшие резвых коней, и более медлительные почтальоны Турн-и-Таксиса. Шагали мирные или озорные подмастерья с котомкой за плечами и студенты — хилые тихони или резвые крепыши, фанатики-монахи в пропотевших рясах. Катились фуры с товарами купцов-оптовиков и тачки евреев-разносчиков. Прокатили шесть добротных, но отнюдь не новых карет короля Прусского, ездившего со свитой в гости к южногерманским дворам. Тянулись бесконечной вереницей люда, скота и клади протестанты, которых князь-епископ Зальцбургский в злобе прогнал из своих земель. Проходили пестрые комедианты и невзрачные на вид, углубленные в себя пиетисты, проследовал в пышном экипаже с форейтором и многочисленным эскортом сухощавый высокомерный венецианский посол при саксонском дворе. Тащился беспорядочный, наспех

собранный обоз евреев, изгнанных из одного среднегерманского имперского города и направлявшихся во Франкфурт. Проезжали магистры и вельможи, и девки в шелках, и докладчики верховного суда в суконных мантиях. Следовал с комфортом целым цугом карет князь-епископ Вюрцбургский, лукавый и жизнерадостный толстяк, и плелся пешком оборванный баварский профессор, которого уволили из Ландсгутского университета за мятежные и еретические речи. Двигались стремившиеся в Пенсильванию швабские переселенцы с чадами и домочадцами, в сопровождении агентов английской судовой компании, шествовали, направляясь в Рим и гнусава молитвы, нижнебаварские богомольцы со смиренными и зверскими рожами, сновали, шаря повсюду проворным, острым и внимательным взглядом, скупщики серебра, скота и зерна, состоявшие агентами при венском военном поставщике, двигались и двигались отставные солдаты имперской армии, участники турецких войн, и скоморохи и алхимики, и нищая братия и знатные юноши с гувернерами на пути из Фландрии в Венецию.

Потоки катились туда-сюда, скрещивались, сталкивались, люди спешили, спотыкались, семенили шажком, кляли плохие дороги, смеялись злобно или благодушно над медлительностью почты, ворчали по поводу загнанных кляч и ветхих колымаг. Людские потоки набегали, отливали, лепетали, молились, распутничали, кощунствовали, трепетали, веселились, дышали.

Герцог приказал остановить парадную карету, сам вышел, а придворных, секретарей и слуг послал вперед. На удивленные взгляды приближенных он отвечал лишь нетерпеливым пофыркиванием. У подъема на нежно зеленеющий холм экипажи остановились, ожидая. Камергеры и секретари забились от мелкого нескончаемого дождя вглубь кареты, а егеря, слуги и лейбгусары вполголоса переговаривались, шептались, судачили, посмеивались.

Герцог Эбергард Людвиг¹, тучный, рослый, толстощекий, губастый мужчина пятидесяти пяти лет от роду, остался позади.

¹ Эбергард (Эберхард) IV Людвиг (1676–1733) — герцог Вюртемберга в 1677–1733 гг. Регентом при малолетнем герцоге стал его дядя Фридрих Карл Вюртемберг-Штутгарт цу Винненталь, в 1693 г. Эбергард Людвиг был объявлен совершеннолетним и стал править самостоятельно. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Он шагал грузно, не обращая внимания на лужи, пятнавшие ему блестящие сапоги и длиннополый, затканый серебром богатый кафтан, сняв с головы бархатную шляпу, так что мелкий теплый дождик осыпал ему водяной пылью парик. Он шел медленно, задумавшись, часто останавливался и нервно, в сердцах сопел крупным мясистым носом. Он ездил в Вильдбад давать отставку графине. Осуществил он задуманное? Пожалуй, нет. Он ничего не сказал. На его намеки графиня отвечала лишь томными взглядами, не словами. Но не могла же она не понять, она, такая умная, не могла, не могла она не понять, к чему он клонит.

Пожалуй, лучше, что все сошло без шума и крика. Около тридцати лет жил он с ней. Сколько плакалась, вопила, скулила, интриговала герцогиня, чтобы разлучить их. Сколько козней строили им герцогские советники, император, прелаты, и проклятый парламентский сброд, и послы курфюршества Брауншвейгского и Касселя. Около тридцати лет эта женщина была причастна ко всем событиям в жизни страны и его собственной. Она была одно с ним, одно с Вюртембергом. Когда говорили: «Вюртемберг», то думали: «эта женщина», или: «эта девка», или: «графиня», или: «швабская Ментенон». Каждая мысль о герцогстве была мыслью об этой женщине, беспристрастная или злобная, но только не равнодушная.

Лишь он, он один, — герцог усмехнулся — мог мыслить эту женщину вне политики, вне герцогства. Лишь он мог помыслить: «Христьль», и это не была мысль о солдатах, о деньгах, о привилегиях, о распрях с парламентом, о заложенных замках и поместьях, а только о самой женщине, о ее улыбке и раскрытых ему навстречу объятиях.

А теперь, значит, всему конец, он помирится с герцогиней, а сословное собрание придет в восторг и поднесет ему богатый презент, а император благосклонно закивает дряхлой головой, а скверно одетый грубиян, прусский король, пришлет ему поздравление, а европейские дворы пожалеют о скандале, который уже второму поколению дает пищу для сплетен.

А потом он приживет с герцогиней сына, и страна получит второго законного наследника — и на небесах и на земле наступит мир и благоволение.

Он засопел сильнее. В нем закипало глухое бешенство, когда он представлял себе, каким ликованием герцогство и вся Германия

встретят падение этой женщины. Он слышал, явственно слышал облегченный вздох страны и победоносное хрюканье жирных бургеров, парламентских каналов, он видел, как они скалят зубы и хлопают себя по ляжкам, он видел невозмутимых, чопорных, корректных родственников герцогини и их постное, кислое, насмешливое торжество. Вся нечисть вкупе накинется на эту женщину, как на падаль. Целый век защищал он ее от этих гадов; если он сейчас, в пятьдесят пять лет, отступится от нее, они сочтут это признаком старческой слабости. Он издавал указы без счета, тяжело каравшие всякое непочтительное слово о графине, он дошел до конфликта с императором, отправил в изгнание друга своей юности и первого министра за дерзкий отзыв о ней, он воевал со своими советниками, со своим парламентом, со своей страной, требуя налогов, все новых налогов и денег, денег для нее. Около тридцати лет он противопоставлял ее герцогству, империи, целому миру.

Что за буря поднялась по всей Европе, когда он в самом начале их связи недолго думая обвенчался с графиней как со второй супругой, наряду с герцогиней. На него дождем посыпались императорские увещевания, заклинания, угрозы, представители сословий рычали, как бешеные псы. Баден-дурлахская родня герцогини света невзвидела от бешенства и обиды, его кляли с церковных амвонов, отказывали ему в причастии, вся страна кипела и бушевала. Делать было нечего, он покорился, расторг брак с графиней, примирился с герцогиней. Что же касается сердечной склонности и вытекающего отсюда брачного сожительства — он усмехнулся, припомнив красивую фразу, которой ублаготворил императора и которую сочинил ему брат графини, — итак, что касается сердечной склонности и вытекающего отсюда брачного сожительства, то оные зависят от Господа Бога и от него самого и не могут быть навязаны владельческому герцогу посторонней волей. Потом, покорясь новым грозным приказам императора, он все-таки отослал Христль в дальние края и за это выманил большой куш у своего признательного парламента, а вся страна возликовала. Но потом — он ухмыльнулся, вспомнив самый ловкий в своей жизни фортель, — через доверенных лиц он раздобыл в Вене слабоумного мозгляка с графским титулом, женил его на Христль и сделал главой Ка-

бинета, и Христль вернулась в страну супругой главы Кабинета под неистовый вой обманутых вюртембержцев, меж тем как император в бессильном сокрушении пожимал плечами: кто же запретит владельтельному герцогу видеть у себя при дворе жену своего первого министра? А как хохотала Христль, когда на деньги, преподнесенные ему парламентом на развод, он купил ей поместья Гопфигхейм и Гомаринген!

С годами все улеглось. Правда, время от времени появлялся какой-нибудь пасквиль на графиню, но в силу тридцатилетней давности их связь стала совершенно определенным фактом германской и общеевропейской политики. Представители сословий ворчали, однако же признали за графиней ряд прерогатив. Герцогиня унылой, покорной жертвой пребывала в пустом Штутгартском дворце, ее родня, чопорные маркграфы, замкнулись в оскорбленном, высокомерном молчании. Предосудительным фактом возмущались, но, так как он оставался неизменным тридцать лет, с ним свыклись и примирились.

И вдруг теперь без какого-либо повода все узы, привязывающие его к этой женщине, будут разорваны, сброшены, уничтожены.

Будут ли? Он ничего не сказал. Не пожелай он — и ничего не изменится.

Герцог стоял в грязи, посреди дороги, один, с непокрытой головой, под мелким, упорным дождем. Он снял с правой руки перчатку с раструбом и машинально похлопывал себя ею по ляжке.

Пожалуй, повод все-таки был. Был повод? Шумливый прусский король в последний свой визит в Людвигсбург обращался к нему с увещеваниями. Пора уж ему примириться с герцогиней, подарить стране и себе второго наследника, нельзя династии быть представленной одним наследным принцем, когда католики спят и видят, чтобы угас род евангелических швабских герцогов. Но не в том дело. Нет, совсем не в том. Прусский сухарь может убираться восвояси к своим пескам и соснам и не докучать ему пошлыми и постными нотациями, в которых на каждом шагу упоминается о смерти. Он, Эбергард Людвиг, несмотря на пятьдесят пять лет, еще, слава богу, мужчина в соку. Не все ли ему равно, кто после его смерти взвалит на свои плечи бремя

правления и его долги и будет портить себе кровь распрями с вшивой парламентской сволочью. Дураком надо быть, чтобы из-за этого бросить Христьль!

Он зашагал быстрее и, фальшивя, громко стал насвистывать мотив из нового балета. На что еще напирал пруссак? Графиня, мол, для герцогства худший бич, чем все нашествия французов и самые тягостные имперские войны. Она одна, мол, причина и виновница всех бед, неурядиц и смут в Вюртемберге. Она немилосердно выкачивает и выжимает весь пот страны себе в карманы. Старая история. Черт бы ее побрал! Эта песня звучала ему в сотнях пасквилей, этим соусом сословия потчевали его каждую неделю. Даже в засухе и граде винили графиню. А лучше бы радовались, сутяги, скупердяи несносные, что их поганые гроши она с таким размахом превращает в блеск и великолепие. Ей нужны были деньги, деньги без конца, такого количества денег, какое нужно было ей, не водилось во всей Римской империи, и ради них она ластилась, кланчила, хныкала, грозила, дулась, капризничала, так что он голову терял от отчаяния, не зная, откуда взять еще и еще денег. Но что было лучше: убогое, скопидомное хозяйство герцогини, где всякий пфенниг на счету, или сверкающее великолепие этой женщины, где замки, лесные уголья и все доходы казны пролетали пестрым фейерверком?

Нет, такого рода аргументами его нельзя было отвлечь от этой женщины. Он и поставил бранденбуржца на место, а будь у него лишних тыщонки две солдат, которых никогда, увы, никогда не разрешат ему представители сословий, он совсем по-свойски, по-швабски отделал бы грубияна. Нет, такая болтовня не могла тронуть его, а если все-таки тот скряга, тот чурбан дал толчок к отставке графини, то лишь одним незаметным словечком, которому и сам вряд ли придавал значение. Они с королем отправились в горы полюбоваться видом; и когда бранденбуржец увидел плавный волнистый ландшафт, нежно зеленеющие холмы, обильные злаками и плодами, лозами и лесами, он вздохнул про себя:

— Вот благодать так благодать! И подумать только, что старая баба, как ржа и саранча, точит их.

«Ржа» и «саранча» нимало не смутили Эбергарда Людвига. Да, но «старая баба»... Эти слова уязвили его до глубины души.

Он, Эбергард Людвиг, привязан к подолу «старой бабы»? Любые проклятия, угрозы, поношения скатывались с него как с гусья вода. Да, но «старая баба»?

Герцогу припомнились дела давно прошедших времен. Несмотря на грозные эдикты, в народе упорно ходили рассказы, будто эта женщина приворожила его к себе. Один случай возник в его памяти со всеми подробностями. Камеристка графини, которую он даже помнит по имени — она прозывалась Ламперт, — прибежала к придворному священнику Урльшпергеру с рассказом о мерзких, кощунственных, колдовских действиях, которым предается графиня, дабы привязать к себе герцога. Придворный священник составил протокол, принудил девушку подписаться под ним, запечатал его и запер эту тайну в ящик своего бюро. Герцог дознался обо всем, нарядил следственную комиссию, которая отстранила Урльшпергера от должности, а Лампертшу присудила к розгам и выслала за пределы страны. Тем не менее герцог не сомневался, что не только народ, но и сама следственная комиссия верит скрепленным присягой, подлым, нечестивым рассказам. Согласно этим показаниям, графиня, будучи в Женеве, разорвала рубашку герцогини на четырехугольные тряпочки, окунула их в настоящий на спирту мелкоистолченный висмут, а затем наглым и непристойным образом пустила их в ход для подтирки. В Урахе она велела принести новорожденного теленка от черной коровы и собственноручно отрубила ему голову, то же проделала она и с тремя черными голубями; другой раз она оскопила козла, не говоря уже о прочих гнусных и непотребных действиях. Такими якобы средствами она достигла того, что он почувствовал отвращение к законной супруге, без нее же, без графини, не мог жить, ибо едва он с ней разлучался, как с ним делались приступы удушья.

Вот уж ослы, бесплодные и худосочные ослы! Болтают о колдовстве, не могут иначе как чародейством объяснить себе то, от чего у каждого здорового мужчины самым естественным образом кровь вскипает и бурлит. А ему достаточно было вспомнить Женеву, голубую комнату гостиницы «Золотой олень» и как Христль сияла улыбкой ему навстречу, раскинувшись во всей красе на широкой постели. Бог свидетель, ей незачем было тогда убивать ни телят, ни голубей, чтобы зажечь его кровь. Но теперь? Старая баба? Да ведь есть же у него еще руки, чтобы осязать,

глаза, чтобы видеть. Она несколько располнела, это верно, и страдает одышкой, но разве дьявольские козни и нечестивое колдовство причиной тому, что он по-прежнему привязан к ней? Серые глаза ее хоть и потускнели, но остались такими же большими и влекущими, как двадцать лет назад, а каштановые волосы не изменили цвета, и в голосе у нее звенели все колокольчики первых дней любви. Правда, рябинки — следы дурной болезни, как утверждали клеветники, — безмерно возбуждавшие его тогда, теперь были запудрены и прикрыты румянами. Старая баба! В этот раз она была такой томной, такой меланхоличной. Она не высмеивала его, не устраивала ему сцен, даже денег не требовала. Может, почуяла что-нибудь? Но хотя бы она сделалась кротка, как однодневный ягненок, старую бабу ему не пристало любить. Не пристало ему, Эбергарду Людвигу. Уж лучше вернуться к своей унылой герцогине, дать стране второго наследника и жить в мире с Богом и императором, со страной и парламентом.

Правда, потом она называла его Лукс, Эбергард Лукс, и колокольчики звенели, как в первые дни. А дальше вздумала потешаться над ландтагом, требовавшим изгнания из ее, графининых, деревень и угодий всех евреев, ее евреев, когда у каждого из них в будний день больше ума в мизинце, чем по праздникам в голове у всего ландтага вкупе. Второй такой остроумной, сметливой и веселой женщины — безразлично, старой или молодой, — которая бы так метко высмеяла по-дурацки ехидную грубиянскую петицию ландтага, он не встречал нигде, от Туретчины до Парижа, от Швеции до Неаполя.

Пожалуй, хорошо, что он не сказал ей решающего слова.

Он сделал знак, и все его кареты остановились прямо перед ним. Он приказал повернуть. Ему не хотелось сразу ехать в Штутгарт, не хотелось и в Людвигсбург. Лучше в Неслах, в уединенный охотничий домик. Ему нужно успокоиться, проветриться. Он послал скорохода за тайным советником Шютцем, чтобы с ним спокойно наново обсудить это дело.

Старая баба?

С дороги в Неслах он отправил еще одного гонца. Новой, совсем юной венгерской танцовщице, неделю назад прибывшей в Людвигсбург, предписывалось не мешкая ехать в охотничий домик. К черту, к дьяволу воспоминания о прусском госте!

Исаак Симон Ландауер, гоффактор герцога Вюртембергского, ездил в Роттердам заключать от имени курпфальцского двора кое-какие кредитные сделки с Нидерландско-Ост-Индской компанией. Гонец графини Вюрбен срочно вызвал его из Роттердама обратно в Вильдбад, к графине. Дорогой он встретил своего коллегу Иозефа Зюсса Оппенгеймера, курпфальцского обергоффи-кригсфактора и одновременно финансового агента при курфюрсте-архиепископе Кельнском. Иозеф Зюсс, только что завершивший ряд ответственных и сложных дел, думал отдохнуть где-нибудь на курорте и без труда поддался на уговоры Исаака Ландауера поехать с ним в Вильдбад.

Отправились они в элегантной собственной дорожной карете Зюсса. «Верных двести рейхсталеров обходится в год содержание такой кареты», — с добродушной, чуть насмешливой укоризной определил Исаак Ландауер. На запятках восседал камердинер и секретарь Зюсса, бледнолицый и невозмутимый Никлас Пфевле, бывший писец у нотариуса; Зюсс столкнулся с ним в Маннгейме, когда подвизался в конторе адвоката Ленца, и с тех пор повсюду возил с собой этого расторопнейшего из слуг.

Исаак Ландауер ходил, по еврейскому обычаю, в лапсердаке и ермолке, при пейсах и редкой козлиной бородке, рыжеватой и поседевшей. Мало того, он даже носил отличительный знак с изображением охотничьего рога под латинским S, сто лет назад введенный в герцогстве для евреев, хотя никто из властей не осмелился бы принуждать к этому почтенного и могущественного фаворита герцога и графини. Исаак Ландауер был самым ловким дельцом во всей Западной Германии. Связи его простирались от венских Оппенгеймеров, банкиров императора, до капиталистов Прованса, от богатых купцов Леванта до еврейских капиталистов в Голландии и ганзейских городах, финансировавших океанское судоходство. В некрасивой и напряженной позе сидел он, невзрачный, неопрятный человечек, опершись на мягкую спинку кареты и зябко пряча костлявые, бескровные пальцы в рукава кафтана. Полузакрыв посоловевшие от езды глазки, он с благодушной, чуть насмешливой улыбкой поглядывал на своего спутника. Иозеф Зюсс, рослый, бритый, одетый по моде и даже, пожалуй, фатовато, сидел прямо и неумолимым,

острым, быстрым взглядом ловил каждую подробность пейзажа, все еще завуалированного тонкой сеткой дождя.

Исаак Ландауер с доброжелательным интересом, чуть иронически изучал наружность коллеги — и ловко скроенный, отороченный серебром светло-коричневый кафтан тончайшего сукна, и аккуратно со вкусом завитой и напудренный парик, и легко напложенные кружевные манжеты, которым одним цена верных сорок гульденов. Он всегда питал приязнь к этому Зюссу Оппенгеймеру, у которого предприимчивость и жадность к жизни так и искрились в больших, неумолимых, выпуклых глазах. Вот каково, значит, новое поколение! Он сам, Исаак Ландауер, чего только не перевидал на своем веку, от трущоб еврейского квартала до увеселительных замков власть имущих. Тесноту, грязь, преследования, бедствия, смерть, угнетение, предельное бессилие! И блеск, простор, произвол, великодержавие и великолепие. Он, как очень немногие, еще человека три-четыре в империи, усвоил весь механизм дипломатии, до мельчайших деталей изучил все двигатели войны и мира и управления людьми. Бессчетные дела изощрили его взгляд в распознавании всяческих взаимодействий, и он добродушным и насмешливым знанием знал мелкую унижительную зависимость власть имущих. Он знал, что в мире существует лишь *одна* реальная сила: деньги. Война и мир, жизнь и смерть, женская добродетель, власть папы вязать и разрешать, свободолюбие представителей сословий, чистота Аугсбургского исповедания¹, корабли на морях, деспотизм государей, насаждение христианства в Новом Свете, любовь, благочестие, малодушие, роскошество, порок и добродетель — все могло быть выражено цифрами, в основе и в итоге всего были деньги. И он, Исаак Ландауер, сам находился у истоков, сам мог по-своему направить течение, мог оплодотворить и иссушить. Но не так он был глуп, чтобы кричать о своей власти, он держал ее в тайне, и лишь легкая, скупая, ироническая усмешка одна свидетельствовала о его знании и власти. И еще вот что. Возможно, раввины и ученые еврейского квартала были правы,

¹ *Аугсбургское исповедание* — важнейший документ Лютеранской церкви, изложение исповедания веры, составленный гуманистом и теологом Филиппом Меланхтоном и одобренный Мартином Лютером.

когда с точнейшими подробностями, как о подлинной действительности, рассказывали о Боге и Талмуде, о райском саде и долине проклятий; лично он за недостатком времени не занимался обсуждением таких вопросов и скорее склонялся к тем французам, которые с изящной насмешкой отметали их; и сам в повседневной жизни не заботился о них, ел, что хотел, в субботу вел себя как в будний день, но в одежде и наружности упрямо держался традиций, завещанных праотцами. Долгополый кафтан пристал к нему, как собственная кожа. В этом кафтане входил он в кабинет любого государя и самого императора. То было второе, более глубокое и затаенное выражение его власти. Он не признавал перчаток и парика. Он был нужен и так — в лапсердаке и с пейсами, — и в этом заключалось его торжество.

Но вот оно, новое поколение — этот самый Иозеф Зюсс Оппенгеймер. Вот он красуется горделиво, и туфли у него с пряжками, и манжеты кружевные, и сам он такой чванный. Грубовато оно — это новое поколение. Ему неведомо тонкое удовольствие таить про себя власть, обладать ею и не показывать ее, тончайшее удовольствие скрытого самоуслаждения. Брелоки и атласные штаны, и элегантная дорожная карета, и слуга на запятках, и все мелкие внешние признаки богатства для него важнее, чем надежно запрятанные в ларце долговые обязательства города Франкфурта или маркграфства Баденского. Поколение, лишенное тонкого понимания и вкуса.

И тем не менее он благоволил к Зюссу. Так и чувствовалось, что тот напряжением всех сил жадно стремится урвать себе львиную долю лакомого пирога жизни. Он сам, Исаак Ландауер, спустил суденышко молодого человека на воду, когда тот, при всех стараниях и бешеной энергии, никак не мог оттолкнуться от берега. Ну, зато теперь полноводный поток нес суденышко, а Исаак Ландауер внимательно и невозмутимо смотрел, куда и как несет.

Навстречу им попала карета экстра-почты. Тучный мужчина с широким топорным лицом удобно расположился в ней подле пухлой, круглой, глупой на вид женщины. Должно быть, супружеская чета, отправляющаяся на семейное торжество. Пока экипажи не спеша разъезжались под гам приветствий, шутки и брань кучеров, толстяк затеял было легкую приятную путевую

беседу с Зюссом. Но едва он заметил Исаака Ландауера, одетого по еврейскому обычаю, как демонстративно откинулся назад и смачно сплюнул. И жена его постаралась изобразить на своем глупом добродушном лице суровость и презрение.

— Советник Эттерлин из Равенсбурга, — с гортанным смешком пояснил Исаак Ландауер, знавший всех на свете. — Не любят евреев равенсбуржцы-то. С тех пор как они устроили процесс о ритуальном детоубийстве и предали пытке, пожару и погрому своих евреев, они нас ненавидят сильнее, чем все остальные швабы. Тому теперь триста лет. Нынче деньги у евреев отбирают более гуманными и менее сложными способами. Но вполне понятно, что те, кто учинил такой произвол, питают к пострадавшим злобу даже триста лет спустя. Ну, как-нибудь переживем и это.

В этот миг Зюсс ненавидел старика. За слипшиеся пейсы, за просаленный кафтан, за гортанный смех. Он просто компрометирует своими нелепыми, старозаветными еврейскими повадками. Ему, Зюссу, непонятны такие старческие причуды. И денег у того куры не клюют, и кредит неограниченный, и связи со всеми дворами, и доверие у всех государей; сам он, Зюсс, перед ним — точно ящерица перед крокодилом: к чему ж такому человеку ходить в грязном балахоне, вызывать насмешки и плевки и довольствоваться тем, чтобы загрести деньги, которые только записываются в приходные книги? На что нужны деньги, если не обращать их в почет, роскошь, дома, богатые наряды, лошадей, женщин? Неужели у этого старика нет желания так же плевать на людей, как плюют на него, платить пинками за пинки? Зачем было создавать себе власть, если таишь ее от всех? Равенсбургский процесс о ритуальном детоубийстве! Вот какая ерунда у него на уме. Все это покрыто пылью, плесенью, погребено на века. Нынче, слава богу, нравы стали лучше, гуманнее, просвещеннее. Нынче, если еврей ловко возьмется за дело, он будет сидеть за одним столом с властью имущими. Ведь посмел же его двоюродный дядя, венский Оппенгеймер, поставить на вид императору, что в теперешней победе императорского оружия над турками первейшая заслуга принадлежит ему, еврею Оппенгеймеру. А императорская военная канцелярия и фельдмаршал

принц Евгений¹ удостоверили это, как положено, печатью и благодарностью. Только ни к чему держаться за нелепые причуды и разгуливать в лапсердаке и с пейсами. Не будь их, муниципальный советник Эттерлин из Равенсбурга, наверно, отвесил бы поклон по всем правилам этикета.

Исаак Ландауер как будто назло сидел все в той же неловкой, неизящной позе. Он, без сомнения, читал в душе Зюсса, но не возражал, а, полузакрыв зоркие глаза, что-то ворчал себе под нос.

Зюсс располагал по-настоящему отдохнуть, отдышаться в Вильдбаде. Он только что покончил с двумя рискованными, порядком измотавшими его предприятиями. Прежде всего, с введением в Курпфальце гербовой бумаги. Казна потребовала себе несуразно большой откуп. Народ взъелся на новый налог, как цепной пес. Как бы не так, он не имел намерения отступить! Ото всех оскорблений, угроз, враждебных скопищ под окнами его конторы, от пасквилей, злостных посягательств он отгородился печатью и подписью курфюрста. Он ни на йоту не смягчил условий. И что ж? Стоило повоевать — он заработал двенадцать тысяч гульденов на перепродаже контракта. А дальше он тоже не позволил себе отдыха, отнюдь нет, двенадцать тысяч гульденов немедленно вновь пошли в оборот. Быстро прикинув в уме — ему дали всего два дня срока, — он ввязался в новую аферу: в соглашение с Гессен-Дармштадтом на чеканку монеты. Опасное дельце. Его брат, выкрест с баронским титулом, хоть и был в Дармштадте как дома и прекрасно ориентировался в обстановке, однако на это не отважился; сам Исаак Ландауер покачал головой и перестал усмехаться.

Казначейства Баден-Дурлаха, Ансбаха, Вальдека, Фульда, Гехингена, Монфора были жестокими конкурентами, они чеканили что попало. Чтобы чеканить еще худшую монету, надо было обладать дьявольским хладнокровием и поистине отчаянным, железным упорством. Зюсс этими качествами обладал. Он умудрился вовремя и с прибылью сплавить и это дело. Пускай его преемник как знает отбивается от всяческих неприятностей.

¹ *Евгений Савойский* (1663–1736) — принц Кариньяно, полководец Священной Римской империи, генералиссимус.

Он же обезопасил себя декретом ландграфа и с немалой прибылью и почетом был отставлен от должности. Теперь у него были прекрасные собственные дома — один во Франкфурте, другой в Маннгейме, оба чистые от долгов, и, кроме того, еще кое-какая недвижимость в восточных областях империи, о которой никто не имел понятия. Состояние, связи, чин, кредит. Репутация толковой головы и легкой руки. Теперь, видит Бог, можно отдохнуть и пожить в свое удовольствие. Теперь он всему свету покажет, кто таков курпфальцкий обергоф-и-кригсфактор. Одно то, что он может позволить себе такую роскошную праздность, пойдет на пользу его делам, придаст ему веса в глазах власть имущих. Хотя он твердо решил всецело отдаться отдыху во время пребывания в Вильдбаде и хотя принципы Исаака Ландауера казались ему в корне ложными — его собственная манера обхождения с государем и власть имущими была, несомненно, современнее и куда правильнее, — однако нелепо было бы не извлечь пользы из путешествия с этим светилом прошлого поколения, этим отменнейшим знатоком людей и дел. Поэтому он стал напрямик расспрашивать о графине, о ее планах, надеждах, затруднениях, о солидности ее делового положения.

Едва речь зашла о делах, Исаак Ландауер стряхнул с себя сонливость и обратил на собеседника умный, очень живой и зоркий взгляд. Он взял себе за деловое правило по возможности придерживаться истины. Крупнейшие барыши он приобрел именно своей рискованной, ошеломляющей откровенностью. Он знал, что Зюсс терпеть не может графиню, считает ее корыстолюбие недостойным знатной дамы, вульгарным качеством. Как было не позлить коллегу, подчеркнув прочность и блестящие перспективы предприятия? Он сжато и точно объяснял положение:

— Графиня — дама с головой. Разбирается в практических вопросах. За каждый прирост в любви герцога она требовала себе новых земель и привилегий, а за возвращение после периода убыли в любви ему приходилось платить наличными и драгоценностями. А что она сама вложила в предприятие? Смазливенькое личико, захудалый дворянский титул и довольно сомнительную девственность. Даже платьев у нее не было, когда она явилась ко двору. А что она извлекла из предприятия? Ти-

тулы графини фон Вюрбен, графини Урах, супруги обер-гофмейстера, превосходительства, супруги председателя Совета министров. Кроме того, верховный надзор над герцогской казной. Восемнадцать тысяч гульденов апанажа¹. Родовые бриллианты и фамильные драгоценности. Все почести, доходы и привилегии имперской княгини. Наличный капитал и векселя на Прагу, Венецию, Женеву, Гамбург. Секретарь Пфау говорил мне, что чистыми деньгами у нее триста тысяч гульденов. Пусть будет двести тысяч — и то неплохо. Дворянские поместья Фрайденталь, Бойинген, деревни Штетен и Гопфигхейм, Бренц с Оггенгаузеном, Маршалькенцимерн. Женщина с головой, обходительная женщина, толковая женщина. Могла бы быть еврейкой.

— Говорят, будто она не в фаворе, — заметил Зюсс, — и с братом у нее конфликт. Среди членов ландтага ходят слухи, будто собственный ее брат присоветовал герцогу дать ей отставку. Король Прусский тоже увещевал его. Она становится сварливой, вздорной, стареет. А главное, жиреет. Герцог в последнее время против такого изобилия жира.

— Ее не проведешь, — возразил Исаак Ландауер. — Она знает, что английский банк куда надежнее, чем страстные клятвы герцога-сластолюбца. Она себя застраховала, ее финансы в лучшем положении, чем у любого владетельного князя. Мне вы можете верить, реб Йозеф Зюсс.

Зюсс поморщился. Как это он сказал: «Реб Йозеф Зюсс»? А почему не «господин гоффактор», или «коллега», или еще как-нибудь? Нелегко поддерживать знакомство со стариком. Уж очень он компрометантен.

— Если герцог отставит ее, — сказал он немного погодя, — ей мало что удастся спасти. В герцогстве на нее смотрят как на чуму и саранчу. Она возбудила против себя ненависть всей страны.

— «Ненависть страны»! — сказал Исаак Ландауер иронически, презрительно покачал головой, расчесал себе пальцами рыжеватую седеющую козлиную бородку, усмехнулся. И Зюсс по-

¹ *Апанаж* (фр. *apanage* — «удел», от *позднелат.* *apapo* — «снабжаю хлебом») — часть наследственных земельных владений или денежное содержание, выделяемые некоронованным членам королевской семьи.

чувствовал его превосходство. — Кто из тех, кому много дано, не возбуждал против себя ненависти страны? Кто не похож на других, тот возбуждает против себя ненависть страны. Ненависть страны подымает кредит.

Зюсса раздражал благодушно-уверенный тон старика.

— Потаскуха, — повел он плечами, — скупа, неаристократична в обхождении, а главное, жирна и стара.

— Рассказни, реб Иозеф Зюсс, — невозмутимо сказал Исаак Ландауер. — Что такое — потаскуха? Слово. Им утешаются добродетельные, родовитые старые девицы, которые завидуют ей. Разве царица Эсфирь знала, что она будет не только наложницей Артаксеркса? Слушайте меня, реб Иозеф Зюсс, эта женщина стоит не меньше чем пятьсот тысяч гульденов. Она женщина с головой, она знает, чего хочет. Ведь допустила же она евреев в свои деревни и поместья. Не из человеколюбия, отнюдь нет. Но она сама умна, она нюхом чувствует того, кто тоже умен, с кем можно говорить и вести дела начистоту, чтобы получился толк. Я сказал — пять сотен? Да, она стоит пять сотен тысяч и еще пять раз полсотни тысяч!

Тем временем экипаж подкатил к гостинице под вывеской «Звезда» в Вильдбаде. Хозяин «Звезды» выскочил навстречу, сдернул с себя колпак. Но, едва завидев лапсердак Исаака Ландауера, он презрительно рявкнул:

— Здесь не еврейский постоялый двор! — и повернулся к дверям. Тут бледнолицый секретарь слез со своего сиденья.

— Это господа гоффакторы Оппенгеймер и Ландауер, — бросил он небрежно, через плечо, помогая господам выйти из кареты. Вмиг хозяин «Звезды» с раболепнейшими поклонами поспешил вперед, указывая путь.

Иозеф Зюсс гневно насупился, услышав грубый окрик хозяина, но, не проронив ни слова, пошел вслед за Исааком Ландауером.

— Эге, — усмехнулся тот, — даже и перед сановничьим мундиром в галунах он не мог бы дальше отставить ногу, когда отвешивал поклон. — И старик усмехнулся, пальцем расчесывая слипшуюся седоватую бородку.

Фейхтвангер Л.

Ф 36 Еврей Зюсс ; Симона : романы / Лион Фейхтвангер ; пер. с нем. Н. Касаткиной, И. Горкиной. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 704 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25554-8

Творчество немецкого писателя Лиона Фейхтвангера (1884–1958) — одна из вершин жанра исторического романа. Его произведения — пример виртуозного мастерства романиста: кажется, Фейхтвангеру подвластно все: эпический размах и глубокое понимание человеческой природы, отраженное в его невероятно живых героях, умение создать яркий, богатый деталями образ эпохи и захватывающие хитросплетения сюжетных линий.

Его герои — от древних римлян и средневековых правителей до современников самого писателя, на долю которых выпала трагическая и грозная эпоха, — предстают не статичными фигурами из учебников истории, а живыми людьми, буруеваемыми понятными и неизменными в любом веке страстями и сомнениями, твердо или с трепетом встречающими невзгоды и радости своего жизненного пути.

Великолепные образцы творчества писателя — знаменитые романы «Еврей Зюсс» (1925) и «Симона» (1943), в которых Фейхтвангер филигранно создает органичный портрет страны и эпохи: будь то Германия начала XVIII века с ее придворными интригами, где любой ценой стремится к вершинам процветания Иозеф Зюсс Оппенгеймер, или оккупированная Франция времен Второй мировой войны, где Симона Планшар грезит патриотическим подвигом Жанны д'Арк.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР

ЕВРЕЙ ЗЮСС

•
СИМОНА

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректоры Ольга Золотова, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 20.05.2026.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 43,12. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуу туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:

<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-TLN-34544-01-R